

РИСУНОК С ЛЕНИНА

Сделав несколько шагов по комнате, художник вернулся к столу, у которого он только что поздравил свой альбом рисунками. Листва его, как соринка, летела назад в ирландском кабинете Владимира Ильича, он работал над скульптурным портретом Ленина.

У меня есть два рисунка, которых я никогда не печатал. Все, что я рисовал карандашом в дни, рассматривая как вспомогательный материал, Ленин ни разу не отказался позировать.

— Ведь это будет неестественно, — сказал он. — Я находился примерно в пяти, шести шагах от стола, за которым работал Ленин, и стремился все записать — выразить ли в раздумьи его пооб, размышляя ли в улыбку складки и губы. Бывают дни, когда посетители, пытаясь расправиться из-за стола по телефону или, что-то обдумывая, широко шагают по кабинету, или вдруг, как это было однажды над чтением какой-то открытки, весело и долго смеются.

...На столе рядом с ленинскими рисунками лежит письмо Романа Беликина писателю Франци в 1932 году писал об этих рисунках: «Это Ленин сидящий, сосредоточенный, весь углубленный в свои великие дела... Ленин вспоминающий и предающийся, выслушивающий и мечтающий... Мы невольно увлекаем художника — счастливому человеку, который так близко видел Ленина и сохранил на этих маленьких, но нетленных листах образ самого человеческого человека на свете. Ленин!»

ЛЕНИНГРАД
— Когда я готовил и издало свой альбом, — вспоминает Натан Алтман, — у меня оставалось 12 зарисовок. К печати я отобрал десять. Мне казалось, что эти две зарисовки, которые я сделал 28 мая 1920 года, — в день приезда Ленинских делегаций английских рабочих, — черт-то напоминают те, что я уже отобрал к изданию. И я их отложил. Сейчас, много лет спустя, я различаю в них новые для меня детали, иной ракурс, другие линии. Я с большой радостью передал их для опубликования в «Литературной газете» к 90-летию со дня рождения Владимира Ильича.

Один из десяти рисунков, вошедших в альбом Н. Алтмана, изданный в 1921 году.

Эти два рисунка художник сделал 26 мая 1920 года во время приема в И. Лениным делегации английских рабочих. Публикуются впервые.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

1. Суд всегда казался мне полем битвы, на котором высокие чувства сражаются против ничтожных и низких.

Конфликт, о которых так много толкуют в нашей литературе, непрерывной чередой прокладывает перед нашими глазами — самые острые, потому что отношения между людьми становятся делом суда, лишь когда они достигают наибольшей остроты.

Словом, при всей своей обыкновенности это весьма необыкновенное место, и не нужно объяснять, почему время от времени я захожу в народный суд, находящийся поблизости от меня, в Кадашевском переулке.

Я познакомился с судьей, Тамарой Николаевной Васильевой, женщиной умной, справедливой и терпеливой. Это особенно важно потому, что в суд приходят люди оскорбленные, ищущие правды, часто нервные, и разговаривать с ними нужно вежливо, внимательно, долго.

Я сижу подле нее, когда идет прием, и, разумеется, молчу, только слушаю, почти ничего не записывая и лишь заглядывая иногда в какой-нибудь документ, который Тамара Николаевна держит в руках. — Разумеется, с ее разрешения. Так заглянул я и в тот, с которого начинается эта история. Это было объяснение, написанное в необычайно холодном, оскорбительном тоне. Юлий Соляков, инженер-текстильник, двадцати пяти лет, отказался материально поддерживать жену «мать-одиночку», утверждая, что хотя он с нею «дружки», но...

Я поднял глаза. Тоненькая девочка, на вид лет шестнадцати, стояла у стола, протыгивая Тамаре Николаевне какие-то письма. Она волновалась, руки дрожали. Одно из писем, сложенное треугольником, Тамара Николаевна протянула мне. Если загадочное понятие любви, о котором написано так много, нуждалось бы еще в одном доказательстве своего существования, — оно было передо мной. Я почувствовал неловкость, читая некоторые выражения, естественные только между любящими, у которых свой язык, подчас почти непонятный для посторонних. Нельзя было совмещать в искренности каждого слова.

Кроме письма, молодая женщина показала судье фотографию. Это была семейная сцена: молодая пара, склонившаяся над ребенком. Оба были хороши. Она — с нежным, усталым, может быть, но счастливым лицом, он — мужественный, статный. Но было в фотографии и нечто смешное. Ребенок, которому едва ли минуло более месяца, до неправдоподобия походил на отца. Не хватало только богатой шевелюры, да младенческий взгляд был, разумеется, лишней мягкой проницательности, свойственной красивым черным глазам отца.

— Сколько времени вы были знакомы? — спросила судья. Любое семейное дело она начинает с этого, не имеющего юридического значения вопроса.

— Три месяца. — Ну вот, — ворчливо и назидательно сказала Тамара Николаевна. Она чуть-чуть записала, а потом быстро договаривалась фразой: «Три месяца, а потом вот... Слезли!»

Молодая женщина не плакала, хотя слезы действительно стояли в ее больших детских глазах.

— Вы говорили, согласен плашать. Вот тебе и согласишься плашать. Молодая женщина ушла. Я еще раз взглянул на фотографию и не мог удержаться от улыбки — так забавно младенец с лицом сбившимся на сторону чепчика был похож на отца. Одно это сходство решало спорный вопрос.

— Не правда ли? — спросил я Тамару Николаевну. Она кивнула, но как-то неуверенно, неопределенно кивнула.

Другие дела пошли своим чередом, и минула почти неделя, прежде чем я вспомнил об этом.

Ах, та девушка? — спросила Тамара Николаевна. Отказали.

— Как отказали?! — Незарегистрированный брак. — Но ведь нет же ни малейших сомнений!...

— Вот именно. Что делать, закон. Это было сказано сгоряча, я ждал, что судья засмеется. Но Тамара Николаевна ответила:

— Давайте... Следующий! — крикнула она. И слушая нового посетителя, который горько жавался на своих «аморально» разложившихся соседях, еще раз сказала серьезно: — Давайте.

Должен сказать, что я впервые в жизни размышлял об отмене закона. Закон всегда представлялся мне чем-то вроде неизбывно-прочного здания, построенного на неумолимо-логическом фундаменте. Логика как оружие справедливости — вот что казалось мне основой деятельности советского суда. Но картина несомненной, очевидной несправедливости открывалась передо мной в маленьком, почти незаметном деле. Да, оно было маленькое и незаметное, но за его очертаниями встали действующие лица, между которыми могла бы разыграться — да и разыгралась — глубокая жизненная драма: судья, поступающий против своей совести; преступник, который остается безнаказанным, хотя его вина не вызывает сомнений; и потерпевшая, которая, напротив, наказана, хотя не совершила преступления.

Я уже не говорю о том, что в этой драме участвовал еще один персонаж, тот самый мальчик, в лихом чепчике, «без вины виноватый», о котором в свое время Островский написал свою знаменитую пьесу.

Но, может быть, все это лишь предстало мне? Я назвал молодого человека преступником. Имею ли я на это право? Закон и совесть — противоречат ли они друг другу в подобных делах? Так ли уж виновата молодая мать, и действительно ли она наказана за то, что ее увидели и оскорбили?

Пересмотр дела Ларисы П. я мог устроить единственным способом: пригласить ее к себе и попросить, чтобы она рассказала мне свою историю.

Рассказывая о себе, женщины редко думают о слушателях; этого нельзя сказать о мужчинах. Женщины рассказывают охотно, подробно, в особенности, когда дело касается любви. Прошлое во всех подробностях оживает в их воображении. Так рассказывала и Лариса П.

Не стану передавать начало этой истории: только что она начинала школу десятиклассница зашла в фототеку — карточки были нужны для поступления в вуз — и встретила там студента Юлия Солякова. Если бы она опрометью убежала от него, потому что именно по этой вине эти карточки и до сих пор лежат у нее в столе.

Но будущее очень скоро стало представляться ей ослепительно ярким. Истинно женское сердце легко обмануто, и сильное всего на него действует неожиданность. Такой неожиданностью было объяснение в любви — Лариса П. думает, что она была любима с первого взгляда.

В этом нет ничего удивительного. Молодой человек, которого она встретила, обладает внешностью, в которой сильнее всего мужественная правда — черта, сильно действующая на полудетское воображение.

С самого начала он не пожелал скрывать своих отношений с Ларисой, таиться, уберечь от ее родных, встречаться на улице. Зачем? Ему нечего скрывать. Он гордится своей любовью.

Вскоре он переживает с молодой женой — это удобнее для обоих, но...

слушается дело

В. КАВЕРИН

особенно для него: нужно кончать институт, а работать над дипломом в общежитии трудно.

Все идет как нельзя лучше. Молодые живут на территории 2-й Градской больницы, и свидетелей — вольных и невольных — того, что все идет как нельзя лучше, сколько угодно. Молодая идет ребенка, молодой учится и работает на чулочной фабрике. Он ученик, потом помощник мастера. Он так занят, что нет времени даже зайти с женой в загс, — пока это повод для шуток. Наконец, время находится, но Соляков — досадная случайность — забывает дома свой паспорт. А без паспорта, как известно, жениться невозможно, даже по страстной любви.

Эта была рассеянность, ничуть не показавшаяся Ларисе странной. Через несколько дней она узнала, что Юлий Соляков женат и что его жена недавно уехала в Фергану с грудным ребенком. В июле она родила, в сентябре уехала, а в октябре он встретился с Ларисой.

Дальнейшая история интересна тем, что характер молодого человека начинает рисоваться в ней с выуклостью, заслуживающей внимания. Сперва Соляков доказывает, что все это ложь, и доказывает умно, убедительно, смело. Потом, уличенный собственным паспортом, сознается. Да, он обманул, но во имя любви.

Потом он принимает яд и умирает, говорит, что у него не было сил, чтобы нанести столь тяжкий удар Ларисе. Он просит ее же.

Эта была минута, когда Лариса еще могла спасти себя от новых испытаний. Для этого нужно было только одно. Не поверить: не он, а она находилась в серьезной опасности. Но Лариса любит и верит.

Не думаю, что она и теперь ясно не представляет себе тот сложный и в общем сильный характер, с которым ее столкнула жизнь. Мгуче, веселее, внимание, тонкая вежливость, нерешительность, склонность к внезапным решениям, видимость полной искренности — вот портрет, который постепенно возник передо мной из ее рассказа. Она видела перед собой человека, который нуждался в ее помощи, в ее нравственной поддержке. За милой беспопостью, за невозможностью противостоять увлечением, захватывающим внезапно и безотчетно, — угадать моему из ее рассказа. Она видела перед собой человека, который нуждался в ее помощи, в ее нравственной поддержке. За милой беспопостью, за невозможностью противостоять увлечением, захватывающим внезапно и безотчетно, — угадать моему из ее рассказа.

Я не подытоживал по той причине, что это было не я. Примирение состоялось. Было решено, что Юлий начнет хлопотать о разводе с первой женой. Началась дружная семейная жизнь. Родилась дочка, и молодой отец проводил целые дни под окнами родительного дома. По воскресеньям он забегал дважды и трижды. Записки, сложенные треугольником, написаны именно в эту пору. Соседи по палате, сравнивая достоинства и недостатки мужей, единодушно присуждают первую премию Юлию Солякову.

Возвращение домой. Защита диплома — очень удачная. Приезд свекрови, прежде суровой, теперь примирившейся, не осмеливающейся оскорбить семейное счастье сына. Соляков — инженер на фабрике. Все так хорошо, что кажется почти неправдоподобным. Правда, иногда ему приходится поздно возвращаться домой. Что делать, много работы. Однажды он остается на фабрике до утра — ночное дежурство!

Ничего не подозревая, Лариса звонит на фабрику, и случайный человек, подходя к телефону, просит разрешения поговорить с нею о муже. «Он обманывает вас. Он давно встречается с другой». Ее зовут Алла.

В сложных и мучительных объяснениях, которые повторяются с этой поры очень часто, два фразы Солякова наводят мне характер. «Хочется хорошо пожить», и вторая: «Все пройдет, все забудется».

Вдумайтесь в первую из этих фраз: щудно личь невнятный физиологический влох, — и вы откроете целую жизненную программу. Новая связь дает возможность «хорошо пожить» во всяком случае лучше, чем прежде. В первых, новое всегда лучше, чем старое, хотя бы старому было не более чем полтора года; во-вторых, Алла — из состоятельной, почтенной семьи, и хотя это обстоятельство не имеет существенного значения, однако где-то в глубине оно все-таки связано с давней жизненной программой.

Хорошо пожить удается, и еще удается, когда кончится скучная, затянувшаяся полоса объяснений с Ларисой, с ее матерью, с добровольными наставниками на чулочной фабрике, любящими совать нос в чужие дела. А пока Соляков клеветает Ларисе, что «никогда ее не оставит». Он плачет: «Как тебе могло прийти в голову, что я уйду от тебя». И, как это странно, он добивается прощенья. Опять мир — увы, ненадолго. Новое объяснение в паре, в хороший осенний день, запомнившийся Ларисе.

Не знаю, что делать. Брошу ее и тебя.

Пусть так, ты уйдешь, ты будешь жить в достатке, спокойно. А я? Мне так хотелось учиться! А дочка? — Да, но это сильнее меня, Мне нужно уехать.

— Куда? — В Сызрань, к матери.

инвившая над ребенком. Оба были хороши. Она — с нежным, усталым, может быть, но счастливым лицом, он — мужественный, статный. Но было в фотографии и нечто смешное. Ребенок, которому едва ли минуло более месяца, до неправдоподобия походил на отца. Не хватало только богатой шевелюры, да младенческий взгляд был, разумеется, лишней мягкой проницательности, свойственной красивым черным глазам отца.

— Сколько времени вы были знакомы? — спросила судья. Любое семейное дело она начинает с этого, не имеющего юридического значения вопроса.

— Три месяца. — Ну вот, — ворчливо и назидательно сказала Тамара Николаевна. Она чуть-чуть записала, а потом быстро договаривалась фразой: «Три месяца, а потом вот... Слезли!»

Молодая женщина не плакала, хотя слезы действительно стояли в ее больших детских глазах.

— Вы говорили, согласен плашать. Вот тебе и согласишься плашать. Молодая женщина ушла. Я еще раз взглянул на фотографию и не мог удержаться от улыбки — так забавно младенец с лицом сбившимся на сторону чепчика был похож на отца. Одно это сходство решало спорный вопрос.

— Не правда ли? — спросил я Тамару Николаевну. Она кивнула, но как-то неуверенно, неопределенно кивнула.

Другие дела пошли своим чередом, и минула почти неделя, прежде чем я вспомнил об этом.

Ах, та девушка? — спросила Тамара Николаевна. Отказали.

— Как отказали?! — Незарегистрированный брак. — Но ведь нет же ни малейших сомнений!...

— Вот именно. Что делать, закон. Это было сказано сгоряча, я ждал, что судья засмеется. Но Тамара Николаевна ответила:

— Давайте... Следующий! — крикнула она. И слушая нового посетителя, который горько жавался на своих «аморально» разложившихся соседях, еще раз сказала серьезно: — Давайте.

Должен сказать, что я впервые в жизни размышлял об отмене закона. Закон всегда представлялся мне чем-то вроде неизбывно-прочного здания, построенного на неумолимо-логическом фундаменте. Логика как оружие справедливости — вот что казалось мне основой деятельности советского суда. Но картина несомненной, очевидной несправедливости открывалась передо мной в маленьком, почти незаметном деле. Да, оно было маленькое и незаметное, но за его очертаниями встали действующие лица, между которыми могла бы разыграться — да и разыгралась — глубокая жизненная драма: судья, поступающий против своей совести; преступник, который остается безнаказанным, хотя его вина не вызывает сомнений; и потерпевшая, которая, напротив, наказана, хотя не совершила преступления.

Я уже не говорю о том, что в этой драме участвовал еще один персонаж, тот самый мальчик, в лихом чепчике, «без вины виноватый», о котором в свое время Островский написал свою знаменитую пьесу.

Но, может быть, все это лишь предстало мне? Я назвал молодого человека преступником. Имею ли я на это право? Закон и совесть — противоречат ли они друг другу в подобных делах? Так ли уж виновата молодая мать, и действительно ли она наказана за то, что ее увидели и оскорбили?

Пересмотр дела Ларисы П. я мог устроить единственным способом: пригласить ее к себе и попросить, чтобы она рассказала мне свою историю.

Рассказывая о себе, женщины редко думают о слушателях; этого нельзя сказать о мужчинах. Женщины рассказывают охотно, подробно, в особенности, когда дело касается любви. Прошлое во всех подробностях оживает в их воображении. Так рассказывала и Лариса П.

Не стану передавать начало этой истории: только что она начинала школу десятиклассница зашла в фототеку — карточки были нужны для поступления в вуз — и встретила там студента Юлия Солякова. Если бы она опрометью убежала от него, потому что именно по этой вине эти карточки и до сих пор лежат у нее в столе.

Но будущее очень скоро стало представляться ей ослепительно ярким. Истинно женское сердце легко обмануто, и сильное всего на него действует неожиданность. Такой неожиданностью было объяснение в любви — Лариса П. думает, что она была любима с первого взгляда.

В этом нет ничего удивительного. Молодой человек, которого она встретила, обладает внешностью, в которой сильнее всего мужественная правда — черта, сильно действующая на полудетское воображение.

С самого начала он не пожелал скрывать своих отношений с Ларисой, таиться, уберечь от ее родных, встречаться на улице. Зачем? Ему нечего скрывать. Он гордится своей любовью.

Вскоре он переживает с молодой женой — это удобнее для обоих, но...

ЛЕНИНСКИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

«В ТЫСЯЧАХ наших сердец стучит вечное сердце Ленина. Как неизменный пароль звучит, вечное имя Ленина...»

Этими строками начинается стихотворение азербайджанского поэта Сулеймана Рустамы, опубликованное в апрельской книжке «Дружбы народов». Журнал широко отмечает 90-летие со дня рождения Владимира Ильича. В большой поэтической подборке, открывающей номер, выступают Хута Берулава (Грузия), Г. Гулям (Узбекистан), Микола Уленик (Украина), Хасяр Сян-Бельгин (Калмыкия), Микола Хведарович (Белоруссия), Гега Сарян (Армения), А. Балтакис (Литва), Ч. Курбаналыев (Туркмения), К. Маликов (Киргизия), Х. Бекхожин (Казахстан), И. Машбаб (Адыгея).

«Октябрь» печатает стихотворение А. Прокофьева «Гордимся именем твоим». В «Знамени» — стихи К. Кирсанова, в «Юности» — В. Павлинова, С. Сорина, В. Лискера.

С голосами советских поэтов перекликаются голоса зарубежных друзей. «Живому навек» — так называется подборка стихотворений в «Иностранной литературе». В ней выступают: То Хау (Вьетнам), Рене Делестр (Гаити), Али Сардар Джафари (Индия), Агам Виспи (Индонезия), Абдель Ваххаб аль-Баити (Ирак), Гао Ин (Китай), Ян Копровский (Польша). В «Новом мире» — стихи И. Тауфера (Чехословакия).

Во всех журналах публикуются воспоминания о Владимире Ильиче, характеризующие различные стороны жизни и деятельности вождя революции. В «Неве» — воспоминания Е. Стасовой. «Новый мир» печатает «Рассказы о Ленине» Е. Зозулы, «Как рождался декрет о земле» М. Фофановой, «Ленин и работница печати» К. Злинченко, «Многоязычие, целостность, единство Ильича» Н. Семашко, «На социалистическом конгрессе в Копенгагене» академика И. Майского. Воспоминания В. Есина и В. Стеклова публикуют «Юность» и «Москва».

Под рубрикой «Глядя на фотографию» в «Юности» печатаются малозвестные снимки Ленина и комментарии к ним. Тех, кто был сфотографирован с Ильичем. В. Стеклов рассказывает о праздновании 7 ноября 1919 года. С. Коенков — об открытии Лениным мемориальной доски. Е. Стасова — о встрече с Ильичем на II конгрессе Коминтерна, шофер С. Гиль — о первом военном параде на Ходыкинском поле, сын Дмитрия Ульянов младший — инженер В. Ульянов — о Горках (Звезда), г. поз. В. Казин — о праздновании 1 мая 1919 года. Старый большевик И. Галкин делится воспоминаниями об открытии первого памятника Ленину.

Журналы печатают рассказы о Владимире Ильиче Н. Григорьева, Л. Рашидова, Н. Ходзы («Звезда»), Е. Пермяка («Нева»), Е. Драбкиной («Новый мир»), З. Воскресенской («Юность»).

БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ...

Матч приобретает все большее спортивное значение, атмосфера накаляется. Неоднородную роль в этом наделе играет и многообразие хороших шахматных обозревателей, каждый из которых отстаивает свою (и, разумеется, единственно правильную) точку зрения.

После того как в четвертой и пятой партиях оба противника — и чемпион, и претендент — играли довольно бледно, обозреватели (не исключая и автора этих строк) начали упрекать их (и особенно претендента) за осторожность, граничащую с пассивностью.

Словно отвечая делом на упрек, рижский гроsmесстер в шестой партии блестяще комбинирует, которую не скоро забудут любители шахмат. Поначалу казалось, что все идет нормально: черным в старонидейской защите Тааль получила удовлетворительную игру, но не более того. Позиция белых выглядела весьма прочной, и, по отзывам некоторых знатоков, даже более перспективной. Тяжелые фигуры черных были группированы на ферзевом фланге, и казалось, серия разменов по открытой линии не миновать.

Совершенно неожиданно для всех Тааль на 21-м ходу поставил своего коня на поле, битое белой пешкой. Откапывая жертву белых невозможно, и чемпион мира победил коня, хотя при этом неприят-

НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

во вторгался в игру черно-попный «старонидейский» слон.

Завязалась весьма сложная борьба, в которой белые, несмотря на ашшоно фигуру, принуждены были обороняться. Жертва коня за пешку, сначала многим показавшаяся легкомысленной, на самом деле была вполне корректной и коварной. Анализ показал, что даже если бы Ботвинник сделал подряд все лучшее ходы какие только было возможно сделать, он добился бы лишь ничейный повторением ходов, «вечным шахом» черному ферро.

Чемпион мира долго считал бесспорными комбинационные варианты и, видимо, физически не смог допустить все до конца. Уже не в первый раз Тааль добивается успеха на опровержение «логики общих соображений» двойным ходом и точным расчетом. И когда белые добились микрокосмического позиционного перевеса. Все были уверены, что дело близится к ничей, когда...

Ботвинник внезапно просмотрел элементарную комбинацию и потерял двух коней за ладью. В наивысшей «гошке проходных» два юрких белых коня оказались значительно сильнее черной ладьи, и вскоре Ботвинник был принужден сдать в третий раз.

Наконец, в 8-й партии чемпиону мира удалось добиться первой победы. В старонидейской защите Ботвинник получил лучшее положение, нежели в шестой партии. Обращенный на пассивную защиту Тааль пред очью пообертывал пешку и это не принесло ему успеха. К концу партии возник острый (и на тот раз обоюдный) цейтнот, в котором обе стороны играли не лучшим образом.

«Под занавес» Ботвинник просмотрел потерю качества, но сохранил три (I) разрозненных проходных пешки против одной проходной у черных. Над записанным ходом чемпионом мира продумалось полчаса, но зато записал единственный ход, ведущий к победе. Вечер при доигрывании Тааль лишь проверил записанный ход (K17+) и немедленно сдавса. Счет матча стал 5:3 в пользу претендента.

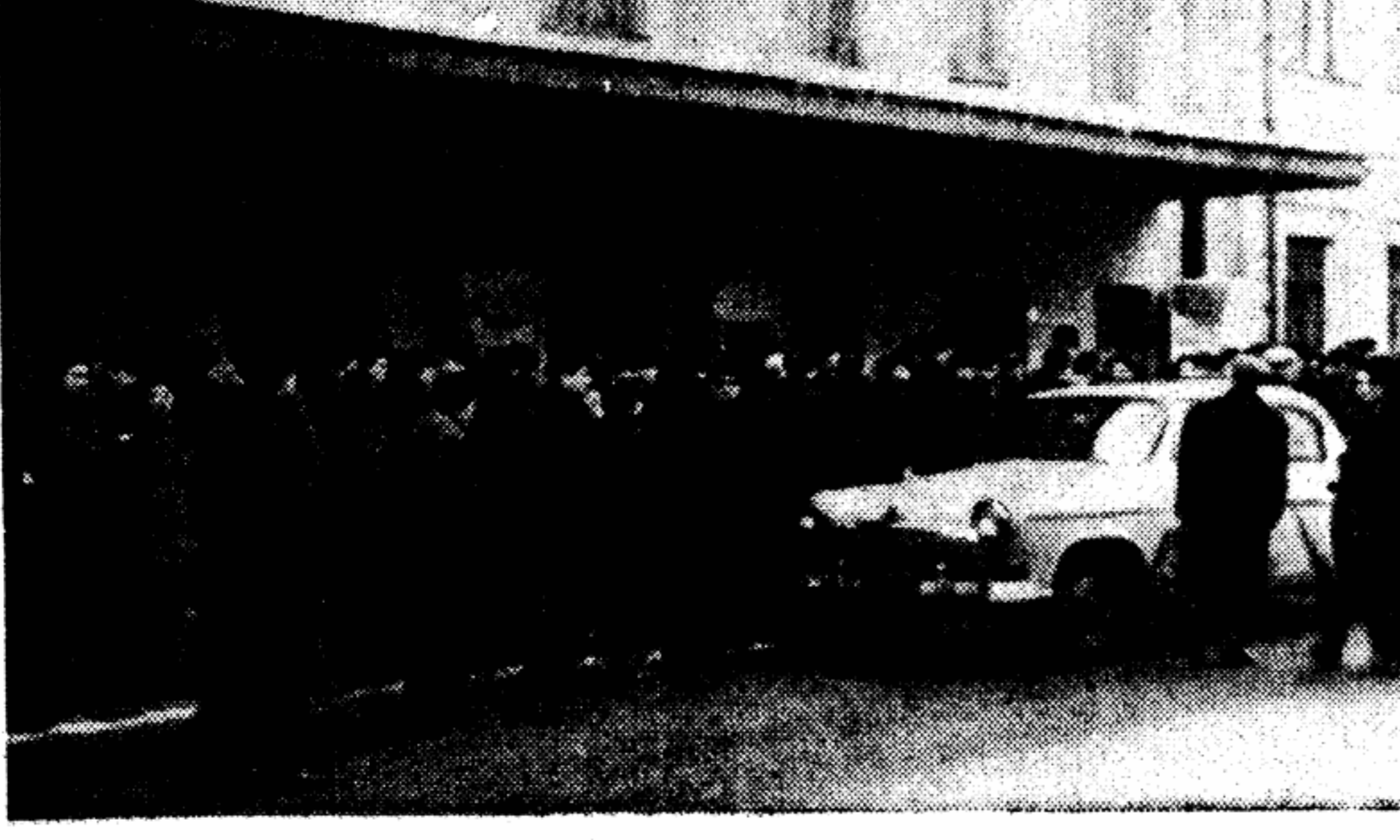
Вот так и развивается борьба за первенство мира. Встречи на высшем уровне шахматной мысли, где каждая пешка при подавляющей позиции у него сохранилась. Ботвинник упорно защищался, используя до конца малейшие контршасы. Ему удалось дотянуть до 47-го хода и отойти к партии в лада-одноко конными без пешки. Однако окончание это было так же, как на предыдущем утре, пришлось капитализировать без игры, по телефону в середине этой партии и бурлящую залу белых впервые применена «высшая мера наказания»: занавес был спущен, а игра перенесена в закрытое помещение. Решительность судьи на мой взгляд, можно только приветствовать — не могут же они допустить, чтобы несправедливость артефакта отражалась на качестве партии...

Сильной игрой претендент закономерно заработал очко и создал четкую партию. В седьмой партии это произошло нечто неразрешительное. Снова встретилась защита Каро-Каина, и снова чемпион мира черными сначала уравнивал партию, а затем даже добился микрокосмического позиционного перевеса. Все были уверены, что дело близится к ничей, когда...

Ботвинник внезапно просмотрел элементарную комбинацию и потерял двух коней за ладью. В наивысшей «гошке проходных» два юрких белых коня оказались значительно сильнее черной ладьи, и вскоре Ботвинник был принужден сдать в третий раз.

Наконец, в 8-й партии чемпиону мира удалось добиться первой победы. В старонидейской защите Ботвинник получил лучшее положение, нежели в шестой партии. Обращенный на пассивную защиту Тааль пред очью пообертывал пешку и это не принесло ему успеха. К концу партии возник острый (и на тот раз обоюдный) цейтнот, в котором обе стороны играли не лучшим образом.

«Под занавес» Ботвинник просмотрел потерю качества, но сохранил три (I) разрозненных проходных пешки против одной проходной у черных. Над записанным ходом чемпионом мира продумалось полчаса, но зато записал единственный ход, ведущий к победе. Вечер при доигрывании Тааль лишь проверил записанный ход (K17+) и немедленно сдавса. Счет матча стал 5:3 в пользу претендента.

Перед началом матча у здания театра имени Пушкина

Фото А. Кинзева

Евг. ЗАГОРЯНСКИЙ

ДОБРЫЕ ПРИМЕТЫ

ПРЕЖДЕ всего мне бы хотелось отметить то определенное оживление, тот высокий и здоровый тонус, который характерен для сегодняшней жизни театрального искусства. Он выражен и в том, что на страницах нашей печати развернулись содержательные и страстные споры об искусстве. Я, например, с большим интересом следил за удивительной, продуктивной дискуссией, которая велась на страницах газеты «Комсомольская правда» вокруг ответа И. Эренбурга на письмо Нине. Фактически уже забыты и сгорают на своем возлюбленном Нине, и «нейрастичка» Юра. — спор расширился, пришел принципиальный характер, возмужавый всех, заставил задуматься о назначении, и роли искусства в нашем обществе, в жизни каждого человека.

Журнал «Театр» опубликовал очень интересные статьи крупнейших современных режиссеров: Н. Охлопкова, Г. Товстоногова, Н. Акимова, где авторы категорично и с полной открытостью изложили свое художественное кредо. «Литературная газета» почти в каждом номере публикует статьи писателей, режиссеров и деятелей кинематографии, посвященные вопросам драматургии. Словом, об искусстве и в частности, о театре пишут сейчас много и горячо. И пишут по-разному, каждый отстаивая свою эстетическую точку зрения, заостряя внимание на разных сторонах творчества. Это удивительно хорошо!

Но еще радостнее для нас видеть, как у большинства театров по вечерам толпится народ и слышатся такие желательные для всех нас слова: «Нет ли лишнего билета?» Теоретические споры о судьбах театра были бы очень грустными, бесцельными, если б они не подкреплялись живой творческой практикой. Но как вести эти споры? Об этом, мне кажется, необходимо подумать сейчас, в преддверии пленума Союза писателей по вопросам драматургии.

Прежде всего мы сами, драматурги и, разумеется, критики, должны способствовать улучшению творческой атмосферы. Давно известно, что каждая творческая индивидуальность старается утвердить свое «я». И не только привлечь внимание зрителя (читателя, слушателя), но и утвердить, закончить свой взгляд на искусство как наиболее правильный и чужд ли не единственный. На протяжении всей истории таланты сталкивались с талантами, гении с гениями. Достаточно вспомнить, с каким мастерством и юношеским пылом пытался Писарев уничтожить Пушкина, с какой последовательностью хотел великий Толстой свалить с пьедестала не менее великого Шекспира.

И мне думается, что неприятные эскадры в нашей литературной жизни возникают совсем не потому, что идут горячие и естественные споры в искусстве, а потому, что иногда нет-нет да окажется кто-нибудь из участников спора не на должной этической высоте. Возьмем так и применим против своего творческого противника запрещенный прием. Конечно, в таком случае «противник» может сломать себе ногу, а иногда и голову. Но за подобные приемы в любом честном состязании удаляют с поля, и публика провозглашает нарушителя свистом.

Чаще всего это возникает из-за нетерпимости, из-за элементарной обиды, из-за неуменья в нужный момент стать выше своих инстинктов.

Мне хочется сказать несколько слов об отношении к критике. Сначала я скажу о тех случаях, когда критик «ругает» автора. Как тут быть? Как вести себя? Многие, вероятно, помнят статью Золя «Жаба», — так он называл рецензии, которые ему приходилось глотать каждое утро, отрывая газеты. Он даже дал деление этих «жаб» — есть, писал он, жаба «глубая», «ядовитая» жаба, жаба «сумасшедшая». Золя утверждал, что глотание этих жаб способствует укреплению писательского желудка. Но, честно говоря, Золя предпочел бы, чтоб их не было совсем.

Думаю, что в буржуазной печати жабы частично прыгают и сейчас. Но в нашей печати «жабы» — редкость. И не о них разговор. Многим, очень многим авторам кажется, что критик неправ, если он ругает его произведение, и прав, когда хвалит. Заблуждение приятное, но все-таки заблуждение. И как всякое заблуждение, оно может привести самого драматурга к очень нежелательным результатам. Что говорить, читать рецензии, где отменяют твои недостатки, — неприятно. Но — увы! — это входит в нашу профессию. И надо уметь даже за чрезвычайно субъективным суждением критика выгнать что-то полезное для себя. А ведь обиды на критиков приносят иногда юмористический характер.

Мне рассказывали недавно, что один драматург до того обиделся на критиков, которые справедливо разрулили образ парторга в его пьесе за схематизм, безжизненность, что подал в организацию заявление-жалобу. Но написано, что он не против критики вообще, но не может терпеть, чтобы критиковали образ коммуниста в его пьесе. — Это оскорбляет его гражданское чувство. О чувствах зрителя, действительно оскорбленных штампованным персонажем, в заявлении не упоминалось.

Подобным авторам так и хочется напомнить финал басни Крылова «Цветы»: «Таланты истинны за критику не злятся; Их повредить она не может красоты; Одни подленькие цветы — Дождя боясь».

Вторая опасность от критики — это когда тебя чересчур хвалят. На днях я спросил одного молодого способного режиссера: «Слушай, если тебя все будут очень хвалить, ты поверишь в то, что ты новый Станиславский?» И он ответил мне, не задумываясь: «Поверю». И мы оба долго весело хохотали. Покривилась улыбка у одного из молодых артистов, она с удивительной легкостью проникает в самую глубинную точку, в самые тайные извилины души. Однако опасна похвала! Особенно чрезмерная. И я пишу ее, и боюсь ее. Сколько она не доброго сделала с молодыми драматургами, режиссерами, актерами! Иные скажут: что же, не надо хвалить? Напротив. Во время сказанное доброе слово может помочь, даже спасти. Но только слово, сказанное к месту и в свое время. Почему я так много говорю обо всем этом? Потому что уверен: только в нормальной творческой атмосфере, свободной от личных обид, от всяких попы-

В. РОЗОВ

ПРОБЛЕМЫ ДРАМАТУРГИИ

то увидим, как многолик положительный герой. Возьму на удачу: Чапаев и Шванда, Гай и Максим, Платон Кречет и Сергей Лукобин. Похожи ли они друг на друга? Ни капли. А еще сколько ненаписанных, таких же ярких и привлекательных образов! Я считаю, что сейчас все дело не в том, что надо их выписывать «без сучка и задоринки» или «с сучком и задоринкой», а в жизненной позиции автора, в его умении сделать своего героя живее живого, влить в его жилы горячую кровь своего сердца. Тут одних теоретических выкладок и благих намерений мало. Тут нужны талант и мастерство. Я глубоко убежден, что подавляющее большинство наших драматургов, если не по ложно все, мечтают создать крупный характер современного человека, написать героя нашего времени. Мы видим и конкретные попытки достичь этого, попытки более или менее успешные. Это и Сергей из «Иркутской истории» Арбузова, Нила Снижко из «Барabanцы» Сальникова, анданек Дронов у Алейникова из «Все останется людям», Хижинков из «Далеко неоглядных...» Вирги, Павлина из «Стряпухи» Софренова и Чепраков из «Трагедия Дворского». И пусть продолжают поиски характеров современных героев (я имею в виду беру это понятие во множественном числе, так как, повторяю, герой не единственный, их много, они всегда разные).

Беза, если мы чисто лабораторным путем создадим себе схему героя — Гомункулуса и будем стараться списать его не в жизни, а с самой же для себя придуманной схемы. Зритель не узнает его, он ему будет чужд.

Так же многообразным и поистине неисчерпаемым я считаю и конфликт, возможный для драмы. Ведь конфликты видятся авторами индивидуально: что для одного не представляет драматургического интереса, для другого — вопрос жизни и смерти. Я очень хорошо помню, как мне многие мои товарищи драматурги, когда я им рассказывал замесел пьесы «В добрый час!», говорили, что об этом пьесе нельзя писать в ней нет конфликта. Этим я совсем не хочу сказать, что она менее умнее их (такая была бы глупость!), а только хочу сказать то, что когда и со мной товарищи драматурги делают замесла пьес, мне часто кажется, что в самом их замысле нет зерна драматургического конфликта. А потом на практике — гляди! — написана пьеса, и непохвала.

Значит, увидел автор в силу личных особенностей своего дарования то, что его товарищам увидеть не удалось. И это очень хорошо. Ведь как было бы уныло, если бы мы все писали об одном и том же.

Но есть, помимо своеобразного, индивидуального, какое-то закономерное, общее для любой пьесы. И здесь снова приходится коснуться вопроса о природе драматургического конфликта, вокруг которого развернулось уже в «Литературной газете» такая интересная полемика. Прежде всего о споре драматурга Г. Мдивани с критиком А. Анастасьевым. Анастасьев сказал, что драма, как особый вид литературы, невозможна без острой схватки противоборствующих сил. Он привел в пример поступок Гагановой, говоря, что отобразить его в драме будет невыгодно, неинтересно, если героиня будет совершать свой поступок без горячей схватки за свою идею с носителями чуждой ей общественной морали.

Думаю, что Анастасьев прав. Природа драмы требует страстного конфликта. Чтобы ведущая, светлая передовая идея выдерживала нелегкую борьбу с противоборствующей ей силой. Мдивани пишет: «По Анастасьеву выходит, что современный герой, герой коммунистического общества не может стать прообразом героя художественного произведения, если его не ввести в атмосферу жестокой борьбы с врагами». И тут же Мдивани делает вывод: «А Анастасьев своими рассуждениями вообще закрывает дорогу художественному произведению». Мне кажется, такая предельная краснота. Каждый, кто прочтет статью Анастасьева, ясно поймет, что Анастасьев ратует за создание такого героя, но героя, не сходящего по жизни в венец из цветов на голове и с улыбочкой на устах, а героя могучего, сокрушающего на пути такие крепкие преграды, которые может сокрушить только наш герой. Лично я — за такую драму, за такого героя. Время такое.

И в вопросе о взаимоотношении правды жизни и правды искусства я опять таки на стороне А. Анастасьева и решительно не согласен с Ю. Зубковым. Может быть, Анастасьев привел неточный пример с Гагановой, в ее жизни были конфликты. Но в принципе он безусловно прав. Нельзя механически, в точности переносить все жизненные ситуации на сцену. Тут в противном случае может получиться, как у писателя, которого зло высмеивал Салтыков-Щедрин: вижу забор — говорю: забор; вижу пописуню — говорю: пописуня. Действительно, этот творческий метод очень прост. И так часто, поэтому он пользуется успехом у некоторых авторов. Но он и ведет к повальному серым, аморфным, иллюстративным пьесам.

Конечно, тов. Зубков прав, когда утверждает, что жизнь всегда бесконечно многообразнее, богаче ее художественного отражения. Но ведь именно поэтому, что невозможно передать все многообразие жизни, исчерпать даже один

характер, именно поэтому необходимо отбор, концентрация, сгущение, что, как мне кажется, совершенно верно подчеркивается А. Анастасьевым и что в общем уже давно установлено марксистской теорией.

Но самое главное, что беспокоит меня в статьях Г. Мдивани, Ю. Зубкова или в опубликованной в предыдущем номере статье И. Куприянова, — это не их отдельные положения, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, а то, что в них, по существу, создается эстетика, согласно которой можно плохо писать.

Что же мы должны брать из жизни, отображать в своих пьесах и чего не должны касаться, мимо чего можно проходить? По моему глубокому убеждению, все решает позиция писателя, его точка зрения на жизнь, идейная цель, которую он перед собой ставит. Писатель не имеет права проходить мимо чего бы то ни было в жизни. Он обязан порою быть и ассенизатором, и водовозом, и слугачом в анатомическом театре. Бестрашный Маяковский завещал революционной литературе не только славить «идею и идею», но и вылизывать «качкотинный плевень». Вся суть в той задаче или сверхзадаче, как говорил Станиславский, которую ставит перед собой автор. А цель у нас одна — всеми своими силами способствовать тому, чтобы наше социалистическое общество было самым лучшим, самым совершенным на земле. Славя наши великие дела, мы должны помнить, что пороки, как паразиты насоемные, редко вылезают на яркий свет, а чаще забираются в самые глубокие щели. Залезать туда надо, мы не имеем права давать покорно носителям буржуазного поведения в жизни, собственникам, интриганам, пролазам, подлизам, угодникам, хамам и тому подобным паразитам. Думаю, следует помнить слова Надова из пьесы Островского, что нужно «обойтись судя общественного больше, чем уголовного».

Но и в отображении жизни автором нельзя не считаться с определенной индивидуальностью драматурга, со свойством его таланта. Заставляя сатирику написать героическую драму — дело бесплодное. И наоборот.

Для меня совершенно бесспорно: пусть театральная жизнь страны сейчас более полной, более ритмичной, чем, допустим, пять лет назад. Но еще так много остается желать лучшего, что было бы смешно успокаиваться, лизовать. Пьес еще очень мало, тот факт, что «Иркутская история» ставится в Москве тремя театрами, а моя пьеса «Неравный бой» двумя, — факт неотрадный, хотя, казалось бы, и лестный для драматургов. Ведь это не столько признак хорошего качества наших пьес, сколько бедности выбора.

Нам надо серьезно подумать о своих кадрах. Ведь чрезвычайной недостаточной у нас людей, успешно, профессионально работающих в драматургии. Поэтому особенно важно бережно воспитывать литературную смену. От этого зависит будущее нашего театра. Сейчас, я думаю, это самый острый вопрос. Хорошая у нас есть молодежь. Только за последние годы появились такие интересные молодые драматурги, как В. Блинов, написавший поэтическую, яркую по языку пьесу «Осенние зори», посвященную перемене, происшедшим в колхозном селе; А. Хмелин, выступивший с острой, оригинальной по форме пьесой «Друг мой, Колька!», полной свежих, живых наблюдений над жизнью нашей школы. Добрые надежды внушают произведение Ю. Гутина («Торпедный катер 230»), А. Станевичко («Чужое место»), Э. Радзинского («Мечта моя... Индия»), Ю. Шевкуненко («Сережка с Малой Бронной»).

Мне бы хотелось коснуться еще одного вопроса.

В своей статье А. Зархи пишет о том, что некоторые наши кинематографисты увлекаются тем, что, затрагивая общечеловеческие вопросы, как бы сбрасывают с чашы весов особенность и неповторимость ярких примет нашего социалистического общества, теряют революционный пафос. И что для таких картин буржуазные кинорежиссеры с удовольствием отворили двери своих кинотеатров. И это опасно. Мысль, бесспорно, верная, за исключением того, что я не знаю таких картин. Наибольший успех в последнее время за рубежом имели кинокартины «Сорок первый», «Отелло», «Летят журавли», «Судьба человека», «Дом, в котором я живу». Примет советской жизни в них достаточно много, даже в «Отелло», в котором чувствуется наша прогрессивная, точная графика Шекспира. Мы, как говорится, ни за какие коврижки не сдадим своих идейных позиций советских работников искусства, но мы в то же время должны не забывать и о том, что многие экраны и сцены мира не видят наших кинокартин, а особенно пьес не только потому, что буржуазные деятели сознательно не желают этого, но и потому, что качество наших произведений (особенно пьес) порой недостаточно высоко по мастерству.

Фильм «Броненосец «Потемкин», один из самых революционных фильмов в истории кинематографии, был признан лучшим фильмом всех времен и народов. И много доброго он сделал для утверждения наших идей, для умножения славы нашего государства. Мы убеждены, сторонники того, что мы должны быть не только теми внутренними значениями, но и так называемые общечеловеческие. Но ставить их с наших позиций с точки зрения нашей нравственности, морали, идеалов. Буржуазная агитация до сих пор усердно проповедует, что советские люди — это какие-то автоматы, роботы или дикие, лихенные животные, не имеющие чувств. Такая ложь, как это ни дико, утверждается в сознании простых людей капиталистических стран. И никакая декларация, никакая газетная статья не нанесет более сокрушительного удара по этой глупой пропаганде, как показ реальной нашей жизни средствами искусства кино и театра. Спаяну больше, литература периода записных и бесконфликтности сыграла в этом деле определенную вредную роль, она не приблизилась к нам простых людей всего мира, а отделила их, отпугнула. Показ нашей жизни, нашего человека бедно, односторонне — ущерб не только для искусства, но и для престижа нашего государства.

Ответственность на нас лежит огромная. И мы должны показать всему миру богатство, тонкость и сложность духовного облика нашего человека, его нравственную красоту. А значит, нужно работать точным и острым инструментом. Топорная работа здесь не годится.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

— Алло, Москва! Говорит Париж, Париж... по буквам — Привет, Аллодисменты, Радость, Исключительность, Жизнь!

К СВЕДЕНИЮ ПОСЕТИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Тридцать первого марта в академическом зале нашего музея было несобычайно шумно и многолюдно. Здесь состоялся вечер посвященный семидесятилетнему юбилею Эйфелевой башни, отчет о котором мы сегодня экспонируем. Приветственный адрес от имени музея юбиляра был прочитан Л. Лиходеевым и К. Фабрициным. От имени Московского университета выступил Эмил Кроткий, от имени Исаковской группы — В. Лифшиц. Ответную телеграмму Эйфелевой башни от имени И. Разговорова, он же ознакомил присутствующих с «Книгой отзывов» мадам Ля Тур и стихотворением «Башня и сапог».

Затем состоялся концерт, в котором песни «Парижская деревенская» на слова А. Прокофьева исполнил С. Сергеев, «Одинокое аккордеоно» на слова М. Исаковского — Н. Боголюбовский, «Сиди си бо» по мотивам Ива Монблана — А. Раскин, оперативное «Ступеньки и коленица» Семена Гирсанова — Н. Разговорова. В залах музея открыта выставка наших гостей — французских художников-карикатуристов.

ОТ ИСАКОВСКОГО СОБОРА
Мадам! Вас называют башней. А я — собор, я из камня. И утверждать мы можем смело, Что в мире явко потеплело: Над небо синевой Сид Сею и над Невой. Мадам! Сегодня, как и всякий Благоспопитанный сапог, Я от души поздравляю рад Вас с днем рождения.

А. ПРОКОФЬЕВ
ПАРИЖСКАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ
Эх, парижские окрестки, Эх, французская земля, Выду, выду в урожайные Елисейские поля! Поблужай тропинкою узкою И дорожкой полевой, Пахнет буйком французского Пахнет Сенной и травой, Погляжу — кругом виднеется То пшеница, то овес. Сена тоже тут имеется, Значит, будет сенокос. Эх, ты, мать-земля, затайница, Пороботаешь, знать, мельница Под названьем Мулен-рож-Эх, ржаные да пшеничные Елисейские поля, Эх, вы, темы згоранчивые, Эх, поэзия моя!

С. КИРСАНОВ
СТУПЕНЬКИ И КОЛЕНЦА
Мой стих и я, мы никогда не дрейфим! Пошупай мускул — чуюшь, как звенит! Что Эйфель нам, когда мы сами Эйфели, Но только круче дымимся в зенит! К чертям законы Джуэли и Ленца! Я башне прямо говорю в глаза: — Скажи, ты за ступеньки и коленица? Ручица башни голосует — за!!!

М. ИСАКОВСКИЙ
ОДИНОКАЯ АККОРДЕОНЬ
Снова замерло все до мажана, Стало тихо в буге де Булонь... Спят все рю, и лишь слышует Сена Одинокую аккордеоно. С Елисейских полей дует ветер С и каштанов спадает листья, В этот поздний суар, в этот вечер, Как живешь ты? Коммант де са ва? Вдаль летит перелетная птица, — Я не знаю, коммант ельи с'аппель... До утра. * * * Булонский лес. ** Как ее зовут.

— Эйфелева башня 23 марта 1960 года. Рисунок Жана Эйфеля — Посмотри, что сделали с ней люди. Рисунок Муа Сана

ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНЕ, ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ

Мадам! День рождения всегда радостен и знаменителен. Его особенно радостно отмечать, когда на земле Весна, когда много солнца, цветов и улыбок, когда сердца полны надежд, и вокруг много близких.

Мадам, в мире всегда. Мир полон надежд. В мире стало много друзей. И нам особенно приятно в эту весеннюю пору отметить высокий день Вашего рождения. Мы с бесконечным удовольствием исполняем поручение научного совета нашего «Литературного музея» обратиться к Вам со словами приветия.

Мадам! Вам сегодня исполнилось... Впрочем, дамам не принято напоминать о возрасте. Заметим, однако, что в ту пору, когда Вы явились восхитительному миру, Ваш сосед К. Аденауэр был всемогущим безобразным тридцатилетним мальчишкой. Тогда он был воспитанным мальчишкой и еще не играл с огнем. Поймите, мадам, мы вовсе не хотим этим подчеркнуть Ваш возраст. Мы просто хотим заметить, что у Аденауэра было достаточно времени подрасти и научиться опасным играм. Впрочем, Вам это хорошо известно, к тому же сегодня не хочется говорить о вещах неприятных.

Вы молоды, мадам. Вы постоянно молоды. Из Ваших уст в эфир струится веселая речь. Вы сворачиваете ленточки огня над вечерним Парижем. Вы сообщаете людям о переменах погоды. И Вам, конечно, приятно, мадам, что в мире устанавливается хорошая погода.

Нам о всякой даме, о Вас говорить всякое... Но ведь это заветная, мадам. Кто при вас в семь миллионов мило может сократить такую стройность и элегантность, как Вы? Вы не гнушаетесь косметикой. И тридцать пять тонн краски, которые требуются для Вашего туалета, только подчеркивают Вашу тонкую красоту. Вы заметны, мадам, и поэтому Вам завидуют. Быть трехсотметрового роста не кандидный момент. Зато завидовать может каждый. Да, о Вас можно разговаривать. Например, дендишты старались не смотреть на Вас вовсе, хотя и находились у Ваших ног. Теперь, надевемся, Вы понимаете всю беспринципность дендишты.

Вы принципиальны, мадам. У Вас железные принципы. Пятидесятю миллионными заключено, дают себя знать. И главным образом дает себя знать то, что эти части и заключены не в руках французских рабочих и инженеров. Мы понимаем, мы ценим размах. Размах во всем: в работе и в дружбе.

Потому Ваши трудные дни были иными днями. И мы хотим, чтобы вперед нашими одинаки дьями были навсегда только дни радости, сердечного доверия и дружбы!

Мы имеем честь, мадам, поздравить Вас с Вашим вечной молодостью.

Поздравляем Париж, Париж... по буквам — Мир, Откровения, Связи, Контакты, Взаимопонимания, Астронавтика!

ОТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Бонжур, мадам Ля Тур! Я видел вас на снимке. Над вас — над тысячами крыш — Вы гордо выситесь! Винуе, в прозрачной дымке, Великий стелется Париж — От Пляс де ля Насьон До Триумфальной Арки... А мне с такой же высоты Видна моя Москва — Ее проспекты, парки, Ее могучие мосты.

ОТВЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНИ

Друзья! Спасибо вам за ваши поздравления. Я так потрясена, как от землетрясения. И даже, как легко заметите вы сами, Вовзвышенно пишу не прозой, а стихами.

Люблю высокий стиль — передо мной Париж И, глядя на него, неволью воспарить.

Друзья! В мой юбилей я счастлива вдвоине: Сейчас премьер Хрущев гостит у нас в стране. И я первую слова его речей, Они летят в эфир, как стаи голубей, Как вестники весны, надежды, мира, света, И рукоплещет им, крылатым, вся планета.

Горжусь: я в эти дни внесла свой скромный вклад В дела, что в мире — мир и дружбу укрепят.

Позвольте ж мне теперь ответ закончить просто: Желаю счастья вам и творческого роста.

ЗЛЫЕН НАРОДНАЯ ВЕНГРИЯ!

НАЧАЯ с 1945 года народ Венгрии празднует 4 апреля — день своего освобождения. Полтора десятка лет — исторически срод невольничьей, капля в море времени. И все же эта капля стала мерилом нашей эпохи.

Пятнадцать свободных лет

Исторический небосвод народов имеет свою звездную систему, и когда настает мрачное, тяжелое время, народ ориентируется по этим звездам.

Да и как могли забыть венгерские трудящиеся 21 марта? Революция подняла их тогда столь высоко, что они увидели с этой высоты свое будущее.

Из блокнота туриста. Встречи в стране друзей. Н. ГОРЕЛИК, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Арпад САКАШИЧ венгерский публицист

мятежом, но и обогащая отечество новыми достижениями.

На заводах, в производственных кооперативах широко развернулось соревнование, разрабатывается движение бригад социалистического труда.

В ПЕРВЫЕ я увидел Чепель с вершины горы Геллерт, откуда открывается великолепный вид на Будапешт. На острове, образованном двумя рукавами Дуная, громоздятся приземистые заводиные цеха.

На улицах Будапешта.

Писатели и жизнь

В. ПАВЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Велю офицеру кулаком, что убил его напалом. К счастью, поблизости не было охраны, и Бела успел по вентиляционным трубам выбраться на поверхность земли.

Многие из проходивших приветливо здороваются с Сабо — иные дружески хлопают его по плечам и спине, и Сабо не остается в долгу.

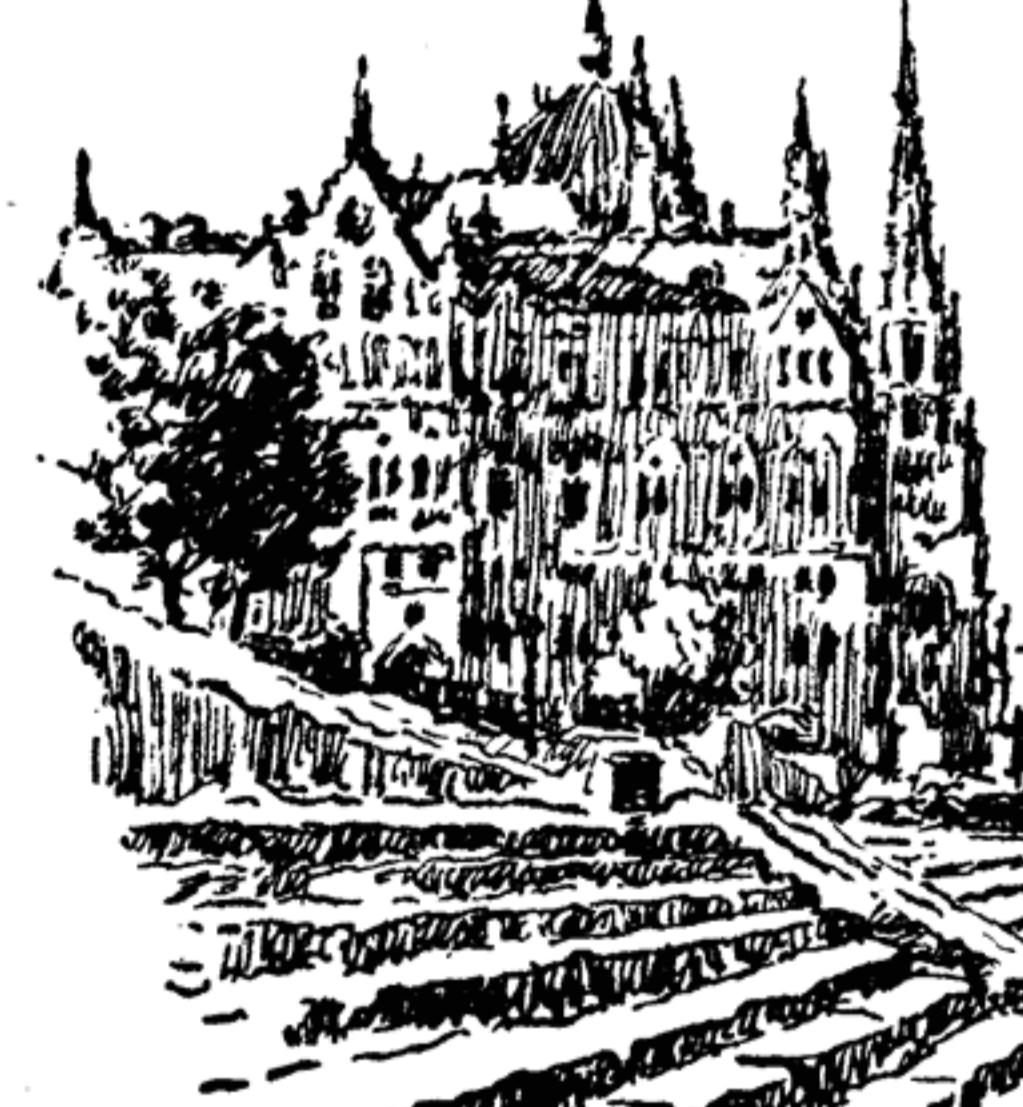
Уж раз я начал о Чепели-Сабо, не могу не упомянуть об очень романтической истории его женитьбы. Встречаясь в венгерском образе жизни, которая косвенным образом связана с освобождением Венгрии от фашизма.

Я сам увидел, что песня очень похожа внешне на улицы Будапешта, на площади Будапешта.

А в этих чинах до самого верха — венгерский чардаш будущего века! А в этих пенятся, крепкая постепенно, свиданья первые, рожденья первенца!

Девушка и юноша, изображенные на снимке, не заметили, как наш фотоаппарат заснял их гуляющими по улицам Буда.

Венгрия — это страна, которая живет и развивается, и в которой можно увидеть много интересного.

Город Эгер знаменит на всю Венгрию древней, но сохранившейся до сих пор крепостью, в которой легендарный капитан Интайн Добо до последнего вздоха сражался с турками.

Это все, конечно, шутка, ибо как бы ни был сладок медок и как бы ни были гостеприимны и щедры хозяева, на бережку хранит встречу в Эгере.

Идете не спеша дорогой смекно... Пожалуй, вы по-своему правы, что в общем-то вам бела нет до символа: «Стена в уколах пуля, а рядом — вы!».

Будапешт. Здание Государственного Собрания. Рисунки К. ДОРОХОВА

ТАК БЫЛО КОГДА-ТО В ВЕНГРИИ... 2. ...борба за экономию... 3. ...ночной санаторий...